Bekhteev, Sergeĭ Sergeenst

Pi͡esni russkoĭ skorbi i slez; sbornik stikhotvoreniĭ

Пѣсни
русской
скорби
и
слезъ

Bekhteev, Sergei S.

С. С. БЕХТѢЕВЪ.

Piesni russkoi skorbi i slez.

ПѢСНИ РУССКОЙ СКОРБИ И СЛЕЗЪ.

Сборникъ стихотвореній

Выпускъ I.

МЮНХЕНЪ
1923

«...Не можетъ наше сердце отказаться отъ надежды на то, что вернется Онъ, Пресвѣтлый, къ Престолу Своему...»

Слова Воззванія Августѣйшаго Блюстителя Государева Престола.

Съ чувствомъ благоговѣйнаго умиленія, неизмѣнной преданности и пламенной вѣры въ чудесный Промыселъ Божій посвящаю мой скромный трудъ Пресвѣтлому Царю Страстотерпцу и Его Многострадальной Августѣйшей Семьѣ.

Сергѣй Бехтѣевъ.

Королевство С. Х. С.
1922 г.
Декабря 6-го дня.

Николай II.

(Такъ писалъ я на третій день «безкровной»
русской революціи).

»Какъ женщина, Ему вы измѣнили,
И какъ рабы, вы предали Его.»
М. Ю. Лермонтовъ.

Въ тѣ дни, когда мы всѣ такъ низко пали,
Вездѣ мнѣ грезится священный Образъ Твой,
Съ глазами, полными божественной печали,
Съ лицомъ, исполненнымъ небесной добротой.
Тебя жалѣть я не могу, не смѣю:
Ты для меня — попрежнему Великъ!
Передъ Тобой, мой Царь, я вновь благоговѣю,
И больно мнѣ глядѣть на Твой Державный Ликъ.
Слѣпой народъ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой,
Тебя клеймилъ постыдными словами
И казни требовалъ, надъ кѣмъ же... надъ Тобой!
Не такъ-ли палъ и Царь коварной Іудеи,
Мессія истины, народная мечта,
И Бога своего преступные евреи
Распяли на доскѣ позорнаго Креста.
И Царь былъ осужденъ на пытки рабской казни,
Надъ Божествомъ глумился весь народъ,
И люди-изверги убили безъ боязни
Того, Кто создалъ міръ, моря и небосводъ.
Но, побѣдивъ въ аду нѣмыя силы гроба,
Воскресъ Господь и всѣмъ явился вновь;
Побѣждена враговъ чудовищная злоба,
И козни зла разсѣяла Любовь...
Я вѣрю въ день священнаго возмездья!
Клятвопреступники, васъ кара неба ждетъ!
Васъ уличатъ въ предательствѣ созвѣздья,
Надъ вами Солнце-правды не взойдетъ;
И камни возопятъ отъ вашего злодѣйства,
Васъ грозно обличитъ правдивая судьба
За низость вашихъ чувствъ, за гнусность фарисейства,
За клеветы возставшаго раба...
Еще недавно такъ, предъ Нимъ склоняя выи,
Клялися вы Его до гроба защищать

И за Царя-Вождя, Хозяина Россіи,
Вы обѣщали жизнь безропотно отдать.
И что же! гдѣ слова? гдѣ громкіе обѣты?
Гдѣ клятвы вѣрности, присущія войскамъ?
Гдѣ вашихъ прадѣдовъ священные завѣты?
А Онъ, обманутый, Онъ твердо вѣрилъ вамъ!
Онъ, вашъ исконный Царь, смиреньемъ благородный,
Въ своей душѣ Онъ могъ-ли помышлять,
Что вы готовитесь измѣной всенародной
Россіи честь навѣки запятнать!
Предатели, рожденные рабами,
Свобода лживая не дастъ покоя вамъ.
Зальете вы страну кровавыми ручьями,
И пламя пробѣжитъ по вашимъ городамъ.
Не будетъ міра вамъ въ блудилищѣ разврата,
Не будетъ клеветамъ и зависти конца;
Возстанетъ буйный братъ на страждущаго брата,
И мечъ подниметъ сынъ на стараго отца...
Пройдутъ вѣка; но подлости народной
Съ страницъ Исторіи не вычеркнутъ года:
Отказъ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вамъ будетъ навсегда!

г. Орелъ 1917 г.

Стихотвореніе «Николай II» впервые было напечатано въ 1921 г. Ф. В. Винбергомъ предисловіемъ къ его книгѣ «Крестный Путь», а 21-го Мая 1922 г., безъ подписи фамиліи автора, было напечатано въ № 321 газеты «Новое Время».

Россія.

Была Державная Россія;
Была великая страна,
Съ народомъ, мощнымъ, какъ стихія,
Непобѣдимымъ, какъ волна.

Но, подъ напоромъ черни дикой,
Предъ ложнымъ призракомъ «сво-бо-дъ»,
Не стало родины великой,
Распался скованный народъ.

Въ клочки разорвана порфира,
Растоптанъ царственный вѣнецъ,
И смотрятъ всѣ державы міра
О, Русь, на жалкій твой конецъ!

Когда-то властная Царица,
Гроза и страхъ своихъ враговъ —
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабовъ!

Въ убогомъ рубищѣ, нагая,
Моля о хлѣбѣ предъ толпой,
Стоишь ты, наша-Мать родная,
Въ углу съ протянутой рукой.

И въ дни народной деспотіи
Въ бродягѣ нищенкѣ простой
Никто не узнаетъ Россіи
И не считается съ тобой.

Да будутъ прокляты потомствомъ
Сыны, дерзнувшіе предать
Съ такимъ преступнымъ вѣроломствомъ
Свою безпомощную Мать!

г. Орелъ
Апрѣль 1917 г.

Стихотвореніе «Россія» осенью 1917 г. было послано Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ г. Тобольскъ. Въ 1919 г. оно было впервые напечатано въ газетѣ «Добороволецъ», выходившей въ г. Кисловодскѣ, а позднѣе было помѣщено въ № 2 газеты «Царь-Колоколъ» отъ 31-го Августа 1920 г., издававшейся въ г. Севастополѣ Н. П. Измайловымъ.

Свобода.

Желанное, свѣтлое слово — «свобода»!
Прекраснѣйшій лозунгъ на видъ,
Въ устахъ изступленнаго звѣря-народа
Преступной насмѣшкой звучитъ.

Свобода — темница! свобода — оковы!
Свобода — законный грабежъ!
Свобода — вѣнецъ, какъ и прежде, терновый!
Какая ужасная ложь!

г. Орелъ.
Апрѣль 1917 г.

Набатъ.

«Миръ — хижинамъ!
Война — дворцамъ!»

Въ кровавомъ заревѣ закатъ;
Клубится черный дымъ столбомъ;
Гудитъ, реветъ, зоветъ набатъ
Народъ войной на сѣнь палатъ,
Желѣзнымъ страшнымъ языкомъ:

Вставай, народъ, проснись, народъ!
Ты долго, долго былъ рабомъ;
Возьми топоръ, иди впередъ
Громить враговъ твоихъ, господъ,
Которыхъ ты кормилъ горбомъ.

Клубится дымъ, гудитъ набатъ,
И стаи хищниковъ крестьянъ
Спѣшатъ изъ грязныхъ, бѣдныхъ хатъ
Туда, гдѣ копоть, гарь и чадъ
Слились въ таинственный туманъ.

Звенитъ топоръ, гудитъ набатъ,
И стѣны рушатся въ огонь,
И нѣтъ господъ, и нѣтъ палатъ...
Лишь галки красныя летятъ,
Да, гдѣ то, ржетъ забытый конь.

А звонъ зоветъ, а звонъ гудитъ,
Скликая къ падали звѣрей.
И мозгъ ударами долбитъ
И вновь скликаетъ и манитъ
На красный праздникъ упырей.

г. Θеодосія
23-го Сентября 1920 г.

Погромъ.

Ярко пылаютъ пожарищи!
Кровь опьяняетъ убійцъ!
Жгите ихъ, жгите, товарищи,
Нашихъ былыхъ кровопійцъ!
Жгите дома ихъ проклятые,
Жгите усадьбы подъ рядъ;
Пусть душегубцы треклятые
Съ ними на вѣки сгорятъ.
Сила столкнулася съ силами;
Вышла, знать, наша пора!
Ну-т-ка! пыряйте ихъ вилами,
Бей обухомъ топора.
Стелется по небу зарево,
Ширится, пышетъ, ростетъ;
Страшное, грозное марево
Призракомъ краснымъ встаетъ.
Слышатся вопли далекіе,
Ревъ и блеянье скота,
Плачъ и мольбы одинокіе,
Про-сь-бы во имя Христа...
Ярко пылаютъ пожарищи!
Кровь опьяняетъ убійцъ!
Жгите ихъ, жгите, товарищи,
Нашихъ былыхъ кровопійцъ!..

г. Орелъ.
1917 г.

Великій Хамъ.

Онъ идетъ, великій Хамъ,
Многорукій, многоногій,
Многоглазый, но без-богій,
Беззаконный, чуждый намъ.

Слышимъ, слышимъ — это онъ
Съ грубой наглостью смѣется;
Это онъ галдитъ, плюется
И смердитъ со всѣхъ сторонъ.

Посмотри — онъ на глазахъ
Топчетъ розы, рушитъ зданья,
Вѣковыя изваянья
Повергая дерзко въ прахъ.

Видишь — онъ ужъ здѣсь и тамъ,
Возлѣ насъ и вмѣстѣ съ нами;
Мы стоимъ предъ нимъ рабами,
Шепчемъ: «сжалься, грозный Хамъ».

«Шапки къ черту предо мной!
Я пришелъ, стихійно-дикій!
Я — вашъ царь, я — Хамъ великій,
Вамъ ниспосланный судьбой.

Въ красной пляскѣ круговой
Храмы я, смѣясь, разрушу;
Вырву сердце, вырву душу
У живущихъ головой.

Я заставлю предъ собой
Колебаться въ страхѣ троны;
Я къ ногамъ своимъ короны
Брошу съ дьявольской хулой.

Позабудьте навсегда
Знанья, роскошь и искусства:
Я вамъ дамъ иныя чувства,
Чувства, чуждыя стыда.

Такъ иди-жъ на общій пиръ,
Звѣрь стобрюхій, многоликій;
Я — вашъ царь, я — Хамъ великій;
Я сотру культурный міръ!..

г. Орелъ.
Мартъ 1917 г.

Конь-красный.

Какъ звѣрь изъ клѣтки вѣковой,
Народъ нашъ выпущенъ на волю
И, словно дикій конь по полю,
Летитъ, подхлеснутый молвой.

Неукротимъ безумный бѣгъ
Коня строптиваго, лихого:
На немъ нѣтъ всадника былого,
Съ нимъ раздѣлявшаго ночлегъ.

Пылаетъ взоръ его огнемъ;
Онъ рвется въ даль, неукротимый;
Ему въ степи необозримой
Конецъ и гибель — ни по чемъ.

Топча серебряный ковыль,
Преграды грудью расшибая,
Онъ скачетъ, яростно вздымая
Клубами вьющуюся пыль.

Почуя вольности дурманъ,
Исполненъ силы и отваги,
Чрезъ пни, болота и овраги
Онъ мчитъ, какъ грозный ураганъ.

Надулись ноздри; гнѣвный ротъ
Одѣлся пѣной бѣлоснѣжной;
Не удержать уздой желѣзной
Его неистовый полетъ.

Кто, страхъ понятный прочь гоня,
Безумца воли обуздаетъ,
Кто, для спасенья, осѣдлаетъ
Осатанѣвшаго коня?

г. Орелъ.
Весна 1917 г.

Земля и воля.

Тяжелое время всеобщей разрухи,
Какъ туча, нависло въ странѣ;
И образъ ужасный кровавой старухи
Повсюду мерещится мнѣ.
Костлявая тѣнь, съ сатанинской улыбкой,
По градамъ и весямъ ползетъ
И, нагло глумясь надъ народной ошибкой,
Къ свободѣ проклятой зоветъ:
«Вставай, поднимайся, рабочая сила!
Кинжалы и косы востри:
Я долго боролась; но я побѣдила,
И пали въ Россіи Цари!
Проснись, раскачайся, народъ сиволапый —
Я черный вамъ дамъ передѣлъ:
Удвойте, утройте мужичьи нахрапы,
Дѣлите господскій надѣлъ.
Не бойтесь возмездья, не бойтесь расплаты,
Спѣшите за мной, удальцы!
Мозолистой дланью громите палаты,
Сжигайте дома и дворцы»...
Пылаетъ кровавое зарево неба,
Пылаютъ усадьбы подъ рядъ,
Пылаютъ адоньи свезеннаго хлѣба —
И красныя галки летятъ.
Ликуетъ и пляшетъ съ народомъ старуха
Подъ грозный, погромный набатъ;
Мила ей всеобщая наша разруха,
Нашъ общій, смертельный разладъ.
Гремятъ и несутся хулы и проклятья;
Чернь празднуетъ вольную новь,
И въ пьяномъ неистовствѣ рѣжутся братья,
И льется крестьянская кровь!

г. Орелъ,
Декабрь 1917 г.

Конецъ русской былины.

То не вѣтеръ въ полѣ стонетъ,
То не вьюга горько плачетъ:
То народъ себя хоронитъ.
Горе пляшетъ, горе скачетъ.

Въ грустномъ гулѣ перезвоновъ
Въ даль несутся панихиды
Безконечныхъ русскихъ стоновъ,
Полныхъ скорби и обиды.

Пала старшая Держава!
Палъ Орелъ мечты славянской!
Пали наша честь и слава —
Вѣра Церкви Христіанской.

Плещутъ стаи волнъ Босфора;
Блещетъ мѣсяцъ на Софіи;
Но въ Стамбулѣ дверь собора
Вновь закрыта для Россіи.

Въ грязь затоптанъ бархатъ стяговъ;
Въ полѣ сѣчи — смолкли тризны;
И... опять мы ждемъ варяговъ
Для измученной отчизны.

г. Елецъ,
Ноябрь 1917 г.

Стихотвореніе «Конецъ русской былины» было впервые напечатано въ Пасхальномъ номерѣ газеты «Доброволецъ», издававшейся въ 1919 г. въ г. Кисловодскѣ.

Умирающая.

«Аще не умреть,
не оживеть!»

Умираетъ отчизна моя:
Нѣтъ спасенья; ужасенъ недугъ.
Злую радость въ душѣ затая,
Смотрятъ недруги злобно вокругъ.

Расплелась золотая коса;
Распаялся алмазный вѣнецъ;
Отъ страданій угасла краса;
Съ плечъ свалился державный багрецъ.

Изможденное тѣло въ крови;
И, въ безпамятствѣ бредя войной,
Умираетъ она безъ любви,
Безъ пріюта, безъ ласки родной.

Скоро, скоро умолкнетъ она,
И погаснетъ улыбка очей
Для послѣдняго, вѣчнаго сна,
Безъ желаній, безъ слезъ, безъ рѣчей.

Умираетъ отчизна моя:
Нѣтъ спасенья; смертеленъ недугъ.
Злую радость въ душѣ затая,
Смотрятъ недруги злобно вокругъ.

г. Елецъ
Декабрь 1917 г.

Звонарь.

Грозно удары гудятъ и гудятъ,
Колоколъ плачетъ и стонетъ;
Пьяный народъ подъ зловѣщій набатъ
Совѣсть на вѣки хоронитъ.

Дергаетъ веревье страшный звонарь
Съ злобой и яростью пьяной;
Въ заревѣ красномъ зловонная гарь
Носится въ дымкѣ туманной.

Громко скликаетъ гудящая мѣдь
Чернь на кровавое вѣче:
Рвется на волю двуногій медвѣдь,
Падая кубаремъ съ печи.

Рушатся кровли церквей и палатъ,
Падаютъ въ паркѣ березы;
Эхомъ звѣринымъ далеко звучатъ
Вопли, хулы и угрозы.

Челядь подъ крики и звонъ топоровъ
Празднуетъ праздникъ свободы;
Съ пѣснями пляшутъ у яркихъ костровъ
Дикихъ людей хороводы.

Льется сивуха; ликуетъ развратъ;
Боги летятъ съ пьедесталовъ;
Зычно скликаетъ погромный набатъ
Къ падали красныхъ шакаловъ.

Шапка упала къ ногамъ звонаря;
Ждать, молъ, осталось немного:
Выкинулъ онъ изъ Россіи Царя,
Выкинетъ кстати и Бога.

Грозно удары гудятъ и гудятъ,
Колоколъ плачетъ и стонетъ;
Пьяный народъ подъ зловѣщій набатъ
Совѣсть на вѣки хоронитъ!

г. Елецъ
Ноябрь 1917 г.

Русь горитъ!...

Русь горитъ! пылаютъ зданья,
Гибнутъ храмы и дворцы,
Книги, мебель, изваянья,
Утварь, живопись, ларцы.

Гибнетъ долгихъ лѣтъ нажитокъ,
Плодъ тяжелаго труда,
Недостатокъ и избытокъ,
Накоплявшiйся года.

Злобный генiй торжествуетъ
Праздникъ крови и огня;
Онъ, смѣясь, на пламя дуетъ,
Волны красныя гоня.

И клубясь и извиваясь,
Пляшутъ пляску языки,
Къ небу съ свистомъ поднимаясь,
Гнѣвны, грозны и дики.

Русь горитъ!.. и безвозвратно
Гибнутъ перлы красоты.
Такъ сбываются превратно
Вольнодумныя мечты!

г. Кисловодскъ
1917 г.

Молитва.

Посвящается Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ Ольгѣ Николаевнѣ и Татьянѣ Николаевнѣ.

Пошли намъ, Господи, терпѣнье,
Въ годину буйныхъ, мрачныхъ дней,
Сносить народное гоненье
И пытки нашихъ палачей.

Дай крѣпость намъ, о Боже правый,
Злодѣйства ближняго прощать
И крестъ тяжелый и кровавый
Съ Твоею кротостью встрѣчать.

И въ дни мятежнаго волненья,
Когда ограбятъ насъ враги,
Терпѣть позоръ и униженья
Христосъ, Спаситель, помоги!

Владыка міра, Богъ вселенной!
Благослови молитвой насъ
И дай покой душѣ смиренной,
Въ невыносимый, смертный часъ...

И, у преддверія могилы,
Вдохни въ уста твоихъ рабовъ
Нечеловѣческія силы
Молиться кротко за враговъ!

г. Елецъ.
Октябрь 1917 г.

Стихотвореніе «Молитва» было послано въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1917 г. черезъ Графиню А. В. Гендрикову Ихъ Императорскимъ Высочествамъ въ г. Тобольскъ.

Вѣрноподданнымъ.

Посвящается дорогимъ сестрамъ моимъ Е. С. и Н. С. Бехтѣевымъ.

Не унывай, не падай духомъ:
Господь разсѣетъ царство тьмы,
И вновъ прилежнымъ, чуткимъ слухомъ
Нашъ русскій гимнъ услышимъ мы.

И снова нашъ Отецъ Державный
На прародительскій Свой тронъ
Взойдетъ, какъ встарь, Самодержавный,
Сыновъ сзывая на поклонъ.

И въ жалкомъ рубищѣ, нагая,
Къ стопамъ великаго Царя
Падетъ въ слезахъ страна родная,
Стыдомъ раскаянья горя!

И скажетъ Царь, въ уста лобзая
Свою предательницу дочь:
«Я все простилъ тебѣ, родная,
И Самъ пришелъ тебѣ помочь.

Не плачь, забудь былыя ковы;
Съ тобой я буду до конца
Нести твой крестъ, твои оковы
И скорбь терноваго вѣнца!»

г. Елецъ.
Октябрь 1917 г.

Стихотвореніе «Вѣрноподданнымъ» и слѣдующее за нимъ «Боже Царя сохрани» были напечатаны осенью 1917 г. Полковникомъ П. С. Толстымъ и раздавались населенію г. Одессы; позднѣе оба эти стихотворенія были доставлены Его Императорскому Величеству въ г. Тобольскъ.

Боже Царя сохрани.

Боже, Царя сохрани
Въ ссылкѣ, въ изгнаньи, вдали,
Боже продли Его дни,
Боже, продли!

Дай Ему силы сносить
Холодъ и голодъ тюрьмы;
Дай Ему власть побѣдить
Полчища тьмы!

Да не утратитъ Онъ Самъ
Вѣру въ мятежный народъ;
Да возсіяетъ Онъ намъ
Въ мракѣ невзгодъ.

Боже, спаси, сохрани
Мать и невинныхъ Дѣтей!
Дай Имъ счастливые дни
Въ царствѣ цѣпей!

Пусть предъ иконой Твоей,
Тихой, вечерней порой,
Въ блескѣ лампадныхъ огней,
Вкусятъ страдальцы покой.

Бѣлый, великій нашъ Царь,
Сирый народъ не оставь;
Снова Россіей, какъ встарь
Съ славою правь.

Гнусность измѣны прости
Темной, преступной странѣ;
Буйную Русь возврати
Къ милой, родной старинѣ...

Крестное знамя творя,
Молитъ истерзанный край:
«Боже, отдай намъ Царя,
Боже отдай!»

г. Кисловодскъ
1917 г.

Стихотвореніе «Боже Царя сохрани» доставлено Его Императорскому Величеству въ г. Тобольскъ осенью 1917 г.

Святая Ночь.

«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцахъ благоволеніе!»
(Ев. отъ Луки гл. 2. ст. 14.)

Ночь и морозъ на дворѣ;
Ярко созвѣздья горятъ;
Въ зимнемъ сѣдомъ серебрѣ
Молча деревья стоятъ.
Дивенъ ихъ снѣжный уборъ:
Искръ переливчатый рой
Радуетъ трепетный взоръ
Дивной стоцвѣтной игрой.
Блещутъ въ Тобольскѣ огни,
Въ мракѣ сверкая, дрожатъ;
Здѣсь въ заточеньи Они
Скорбью Монаршей скорбятъ.
Здѣсь, далеко отъ людей,
Лживыхъ и рабскихъ сердецъ,
Въ страхѣ за милыхъ Дѣтей,
Спитъ ихъ Державный Отецъ.
Искрятся звѣзды, горя,
Къ окнамъ изгнанниковъ льнутъ,
Смотрятъ на ложе Царя,
Смотрятъ и тихо поютъ:
Спи, Страстотерпецъ Святой,
Съ кроткимъ Семействомъ Своимъ;
Яркимъ вѣнцомъ надъ Тобой
Мы величаво горимъ.
Спи, покоряясь судьбѣ,
Царь побѣжденной страны;
Ночь да откроетъ Тебѣ
Вѣщіе, свѣтлые сны.
Спи безъ тревогъ на челѣ
Въ тихую ночь Рождества:
Мы возвѣщаемъ землѣ
Дни Твоего торжества.
Свѣточи ангельскихъ слезъ
Льются, о правдѣ скорбя;
Кроткій Младенецъ Христосъ
Самъ охраняетъ Тебя!

г. Орелъ
24-го Декабря 1917 г.
гост. Бѣлградъ.

У креста.

Шумитъ народъ тупой и дикій.
Бунтуетъ чернь. Какъ въ оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилатъ, распни!
Распни за то, что Онъ смиренный,
За то, что кротокъ ликъ Его.
За то, что въ благости презрѣнной
Онъ не обидѣлъ никого.
Взгляни — Ему ли править нами,
Ему-ли, жалкому, карать!
Ему-ли кроткими устами
Своимъ рабамъ повелѣвать!
Безсиленъ Онъ предъ общей ложью,
Предъ злобой, близкой намъ всегда,
И ни за что къ Его подножью
Мы не склонимся никогда!»
И зло свершилось! имъ въ угоду
Пилатъ оправданъ и омытъ,
И на посмѣшище народу
Царь оклеветанъ... и... убитъ!
. . . .
Нависла мгла. Клубятся тѣни.
Молчатъ державныя уста.
Склонись, Россія, на колѣни
Къ подножью Царскаго Креста!

Королевство С. Х. С.
1921 г.

Вѣнценосецъ.

(Посвящается дорогой сестрѣ моей З. С. Толстой.)

Онъ мнѣ грезится всюду, вѣнчанный Изгнанникъ,
Осѣненный терновымъ вѣнцомъ,
Неповинный Страдалецъ, небесный Избранникъ,
Съ величавымъ и кроткимъ лицомъ.

Изнываетъ-ли сердце подъ гнетомъ страданій;
Грудь-ли жмется отъ думы больной;
И въ юдоли скорбей, и въ борьбѣ испытаній,
Онъ вездѣ и всегда предо мной.

И мнѣ чудится — слышу я голосъ любимый,
Слышу милую, нѣжную рѣчь;
И, тоскуя въ изгнаньи, всѣмъ міромъ гонимый,
Я спѣшу свое горе пресѣчь.

И слагаются накрестъ усталыя руки,
Замолкаетъ мой ропотъ пустой;
И встаютъ предо мной Его горькія муки,
Его крестъ, Его подвигъ святой.

О, мой Царь; униженный злодѣямъ въ угоду,
Всѣми преданный въ годы войны,
Ты погибъ за любовь къ дорогому народу,
За величье и славу страны.

О, гляди на меня всеблагими очами,
Будь всегда и повсюду со мной,
Пробуждая въ душѣ неземными рѣчами
Вѣру въ правду и подвигъ земной.

1922 г.
Королевство С. Х. С.

Цареубійцы.

(Послѣ прочтенія книги Петра Жильяра.)

«Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!»
Ев. отъ Матѳея гл. 27 ст. 25.

Былъ теменъ, мраченъ боръ сосновый;
Трещалъ костеръ; огонь пылалъ,
И въ мракѣ свѣтъ его багровый
Злодѣевъ лица озарялъ.
Въ зловѣщемъ сумракѣ тумана,
Отъ міра спящаго вдали,
Рабы насилья и обмана
Тѣла истерзанныя жгли.
Вперялись въ тьму злодѣевъ очи:
Въ нѣмомъ предчувствіи бѣды,
Спѣшилъ убійца въ мракѣ ночи
Стереть кровавые слѣды.
Не дрогнула рука злодѣя,
Не возмутился онъ душой,
И пали въ славу іудея
Отецъ и Отрокъ дорогой.
Во всей Руси благословенной
Не отыскалось никого,
Чтобъ удержать ударъ презрѣнный,
Въ тотъ мигъ направленный въ Него.
И умеръ Онъ, какъ былъ, великій,
Державно кроткій, всеблагой,
Передъ глазами банды дикой,
Кипѣвшей местью и враждой.
Пучина гнусныхъ злодѣяній
Была безсильна осквернить
Минуты царственныхъ страданій
И слезъ, которыхъ не забыть.
Одни съ молитвами своими,
Съ великой правдой на челѣ,
Они ушли отъ насъ святыми,
Какъ жили съ нами на землѣ.

Пройдутъ вѣка, ночныя тѣни
Разгонитъ свѣтлая заря,
И мы склонимся на колѣни
Къ ногамъ Державнаго Царя.
Забудетъ Русь свои печали,
Кровавыхъ распрей времена;
Но сохранятъ вѣковъ скрижали

Святыхъ Страдальцевъ Имена.
На мѣстѣ томъ, гдѣ люди злые
Сжигали Тѣхъ, Кто святы намъ,
Подниметъ главы золотыя
Побѣдоносный Божій Храмъ.
И, Русь съ небесъ благословляя,
Возстанетъ Образъ неземной
Царя-Страдальца Николая
Съ Его замученной Семьей.

Апрѣль 1921 г.
Новый Футогъ.
Бачка.

Святая Русь.

Гдѣ ты кроткая, православная,
Наша матушка Русь широкая,
Межъ сестеръ славянъ сестра главная,
Свѣтлокудрая, синеокая?
У тебя ли нѣтъ голубыхъ морей,
Вѣковыхъ лѣсовъ, поднебесныхъ горъ,
У тебя ли нѣтъ тучныхъ нивъ-степей,
Городовъ и селъ, веселящихъ взоръ?
Что-жъ стоишь въ углу, пригорюнилась,
Въ жалкомъ рубищѣ, Русь державная,
Бровью черною принахмурилась,
Обнищавшая и безславная?
Нѣтъ парчи цвѣтной на твоихъ плечахъ,
Нѣтъ вѣнца Царей на твоемъ челѣ,
Грусть-тоска глядятъ у тебя въ очахъ,
Соръ-бурьянъ поросъ на твоей землѣ.
И вѣщаетъ Русь, Русь убогая:
«Люди добрые, чужестранные,
Велика моя скорбь, и много я
Претерпѣла мукъ въ дни желанные!
Измѣнила я Царю — Батюшкѣ,
На гульбу пошла, врагомъ званная,
Я повѣрила волѣ-татьюшкѣ,
Продалась жиду, окаянная!
Обобралъ меня душегубецъ врагъ,
Истерзалъ мое тѣло бѣлое,
Опоганилъ онъ мой родной очагъ,
Загубилъ мое войско смѣлое.
Смолкла пѣсня моя, пѣсня вольная,
Въ дни кровавые, непогожіе;
Не зоветъ молва колокольная
Людъ молитвенный въ Церкви Божія.
Вы скажите мнѣ, гдѣ идти искать
Отца ро́днаго, Царя русскаго.
Изстрадалась я во крови плясать
Подъ приказъ, указъ жида-прусскаго.
И когда-бъ Господь умудрилъ меня
Отыскать мое Солнце-Красное,
Я-бъ пошла къ Нему, чрезъ моря огня,
Чтобъ узрѣть Его лицо ясное.
И упала-бъ я у Царя въ ногахъ,
Передъ Нимъ склонясь сирымъ колосомъ,
И съ святой мольбой и слезой въ очахъ
Говорила-бъ я горькимъ голосомъ:

Прости, Батюшка, прости родненькій,
Дочь распутную, дочь разгульную,
За вину мою, грѣхъ мой подленькій,
Да за рѣчь мою богохульную.
Въ мятежахъ — бояхъ я измаялась,
Наказалъ Господь меня, плѣнницу,
Во грѣхахъ своихъ я покаялась,
Прости, Батюшка, дочь измѣнницу!

Станція Джанкой.
1-го Сентября 1920 г.

Царскимъ Орламъ.

Спите, родные герои
Славныхъ, великихъ боевъ!
Къ вамъ въ гробовые покои
Доступа нѣтъ для враговъ.
Полные грозной отваги,
Въ сѣчахъ кровавой войны,
Долгу священной присяги
Всѣ вы остались вѣрны.
Вы отъ враговъ не бѣжали,
Не торговались въ бою;
Вы продавать не дерзали
Матерь — отчизну свою.
Въ мукахъ вы молча сносили
Холодъ, и голодъ, и зной;
Родинѣ честно служили
Вы небывалой войной.
Васъ не пытали шпіоны,
Тѣсно смыкаясь въ кольцо;
Съ васъ не срывали погоны,
Вамъ не плевали въ лицо.
Чернь не глумилась надъ вами,
Вамъ не грозили бичи,
Тѣла не рвали штыками
Наши рабы — палачи...
Спите въ далекой чужбинѣ,
Смѣлые братья — борцы;
Лавры побѣдные нынѣ
Вамъ суждены, храбрецы!
Ваши завѣты святые
Съ вами на вѣкъ не умрутъ;
Ваши дѣла боевыя
Новыхъ бойцовъ соберутъ.
Вновь разовьются знамена,
Смоется плѣсень обидъ,
Снова заблещутъ погоны,
Царственный гимнъ загремитъ.
Дружной семьей соберутся
Новыя стаи Орловъ,
Къ грозной борьбѣ встрепенутся
Въ гулѣ побѣдныхъ громовъ.
Спите, герои — солдаты,
Спи, богатырь — офицеръ;
Русскому войску богатый
Вы показали примѣръ!

Вас не осудитъ кто-либо,
Врагъ васъ добромъ помянетъ.
Скажетъ вамъ — «братцы, спасибо»
Русскій прозрѣвшій народъ.
Спите въ таинственныхъ сѣняхъ
Сномъ горделивымъ Орловъ;
Честная Русь на колѣняхъ
Плачетъ у вашихъ гробовъ...

г. Кисловодскъ
1917 г.

Евангелистъ.

Посвящается Петру Жильяръ.

«Како не обретошася возвращтеся дать
славу Богу токмо иноплеменникъ сей!»
Ев. отъ Луки гл. 17. ст. 18.

Свидѣтель русскаго позора,
Вѣнчанныхъ Мучениковъ другъ,
Не побоялся ты укора
Синедріонскихъ наглыхъ слугъ!
Не устрашился злобы дикой
Людей, погрязшихъ въ клеветахъ,
И вышелъ съ истиной великой,
Съ священной правдой на устахъ.
И благовѣщеньемъ звучали
Слова прямой души твоей,
И мы въ слезахъ тебѣ внимали
На перепутьѣ черныхъ дней.
Для насъ, томящихся въ неволѣ,
Подъ гнетомъ горькой нищеты,
Вставали въ новомъ ореолѣ
Страдальцевъ царственныхъ черты.
И мы внимали съ болью сердца,
Стыдомъ раскаянья горя,
Повѣствованьямъ иновѣрца
О крестномъ подвигѣ Царя.

1921 г.
Новый Футогъ
Бачка.

Царевичъ Алексѣй.

Въ дни нашей скорби безнадежной,
Въ дни общей слабости людской,
Твой Образъ дѣвственный и нѣжный
Влечетъ насъ прелестью былой;
Влечетъ лучистыми глазами,
Съ ихъ неподдѣльной добротой;
Влечетъ небесными чертами,
Влечетъ нездѣшней красотой.
И забываются ошибки
И скорбь, терзающая насъ,
При видѣ царственной улыбки
Твоихъ невинныхъ, дѣтскихъ глазъ.
И сердцу кажутся ничтожны
Всѣ наши праздныя мечты,
И страхъ корыстный и тревожный,
И голосъ мелкой нищеты.
И въ эти сладкія мгновенья,
Предъ обновленною душой,
Встаетъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Твой Образъ чистый и святой.

1922 г. Новый Футогъ.

Вѣнецъ Богоматери.

«Радуйся Владычица, милостивая о насъ передъ Богомъ Заступница!
(Акаѳистъ Божьей Матери).

Въ оны дни, измученный страданьемъ,
Изможденный бременемъ невзгодъ,
Къ Богоматери стекался съ упованьемъ
Православный, страждущій народъ.
И толпясь у чудотворной сѣни,
Предъ Заступницей склонялся на колѣни,
Чуждый міра и его заботъ.

Изъ далекихъ дебрей и селеній
Несъ онъ къ Ней, съ дырявою сумой,
Тихій шопотъ пламенныхъ моленій,
Плачъ души, истерзанной судьбой;
Боль недужныхъ вѣковыхъ страданій,
Недоступную для мудрыхъ врачеваній,
Непосильную для немощи людской.

И предъ этой кротостью покорной,
Умилявшей вѣрой Небеса,
Совершались силой чудотворной
Небывалыя на свѣтѣ чудеса —
Изъ пучинъ земного произвола
Доходили до Предвѣчнаго Престола
Немудренные, простые голоса.

Исцѣленные любовью неизмѣнной,
Въ умиленьи упадая ницъ,
Богомольцы ризой драгоцѣнной
Облекли Царицу всѣхъ царицъ,
И вѣнецъ безцѣнный и лучистый
На челѣ Владычицы Пречистой
Засіялъ блистательнѣй зарницъ.

Шли вѣка. Смѣнялись поколѣнья.
Врагъ смущалъ метущихся людей;
Но не молкли жаркія моленья,
Не слабѣла вѣра прошлыхъ дней.
Темный людъ заглохшими тропами
Брелъ, согбенный, съ скорбью и мольбами,
Подъ покровъ Защитницы своей.

Шли года. Бѣсовскія усилья
Вновь сулили лютый, смертный бой,
И склонились царственныя крылья
Передъ смутой, распрей и враждой.
Мономахова Державная Корона

Покатилась по ступенямъ Трона,
Сорванная вражеской рукой.

Но врагу, казалось, было мало
Униженья Бѣлаго Царя:
Красный змѣй, вздымая дерзко жало,
Двинулъ чернь къ Святынямъ Алтаря —
И вѣнецъ съ иконы чудотворной
Наглый тать съ насмѣшкою позорной
Снялъ, безчестье страшное творя.

Жребій брошенъ! самозванцы воры,
Какъ давно, когда-то, у Креста,
Позабывъ проклятья и раздоры,
Дѣлятъ ризы Матери Христа.
Совершивъ открыто святотатство,
Въ зломъ, слѣпомъ неистовствѣ злорадства,
Богохульствуютъ ихъ наглыя уста.

На глазахъ безмолвнаго народа
Страшный грѣхъ предъ Богомъ совершенъ.
Пиръ кровавый празднуетъ свобода
Въ мрачный день печальныхъ похоронъ.
Братъ Іуды, съ сердцемъ дерзновеннымъ,
Отдаетъ купцамъ иноплеменнымъ
Драгоцѣнности съ ограбленныхъ иконъ.

Порождая радости восторга,
Погостившій за моремъ купецъ
Продаетъ съ общественнаго торга
Съ Богоматери украденный вѣнецъ;
И кокоткѣ, вышедшей изъ бара,
Модный левъ парижскаго бульвара
Покупаетъ камни для колецъ.

Балъ гремитъ. Нарядныя блудницы
Мчатся въ вихрѣ пляски круговой;
Въ ихъ уборахъ, какъ огни зарницы,
Слезы — камни искрятся игрой.
Даръ священный страждущаго брата
Брошенъ въ жертву оргіи разврата
Дьявольской, безсовѣстной рукой.

А въ глуши далекой и мятежной,
Гдѣ скорбитъ распятый человѣкъ,
Богоматерь съ благостью безбрежной
Смотритъ скорбно на кровавый вѣкъ.
И подъ вой бѣсовскій и угрозы
Передъ ней горятъ, какъ жемчугъ, слезы
Нищихъ, сирыхъ, хворыхъ и калѣкъ.

Мученики.

«Ave, Caesar Imperator, morituri te salutant!»
(Пѣснь гладіаторовъ.)

Они идутъ! Раздайтесь, разступитесь,
Снимите шапки, бросьте враждовать!
Благоговѣйте, кайтесь и молитесь!
Они идутъ за Правду умирать.

Изъ катакомбъ, изъ тюрьмъ и подземелій,
Въ кровавый циркъ ихъ гонитъ красный Римъ,
На мрачный пиръ нѣмыхъ, могильныхъ келій,
Гдѣ ужъ никто не будетъ страшенъ имъ.

Глумясь надъ истиной поруганнаго Неба,
Безумствуетъ вокругъ звѣриная толпа,
Нахально требуя позорища и хлѣба,
Коварно — мстительна, злорадна и слѣпа.

Они идутъ — гонимые, больные,
Покорные велѣньямъ палачей,
Предъ Богомъ и людьми подвижники святые,
Нѣмыя жертвы дьявольскихъ мечей.

Ликуетъ Римъ еврейскаго Нерона;
Живые факелы безропотно горятъ.
И льется кровь, и на ступеняхъ трона
Побѣду празднуетъ обожествленный адъ . . .

Умолкъ топоръ! ползутъ ночныя тѣни;
Кровавый циркъ одѣлъ сѣдой туманъ.
Ихъ больше нѣтъ! склонитесъ на колѣни
У праха новыхъ христіанъ!

10-го Іюля 1921 г.
Новый Футогъ.

Видѣнье дивѣевской старицы.

Зима лихолѣтія 1917 года.

Зимняя ночь и трескучій морозъ на дворѣ;
Ели и сосны безмолвно стоятъ въ серебрѣ.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругомъ;
Боръ вѣковой позабылся таинственнымъ сномъ.
Въ сизомъ туманѣ надъ бѣлой поляной одна
Робко, какъ призракъ, скользитъ золотая луна;
Блещетъ огнями на рыхлыхъ алмазныхъ снѣгахъ,
Ярко играя на скитскихъ червонныхъ крестахъ.
Мирно обитель въ сугробахъ навѣянныхъ спитъ;
Только вдали огонекъ одинокій блеститъ.
Въ кельѣ сосновой, окутанной трепетной мглой,
Жарко лампада горитъ предъ Иконой Святой.
Пламя, мерцая, то гаснетъ, то, вспыхнувъ, дрожитъ;
Старица Ксенья на Образъ съ любовью глядитъ.
Катятся слезы изъ старенькихъ, слѣпенькихъ глазъ;
Шепчутъ уста: »о, Господь, заступись Ты за насъ!
Гибнетъ Россія; крамола по царству ростетъ;
Мутитъ нечистый простой православный народъ.
Кровь обагрила родные лѣса и поля;
Плачетъ и стонетъ кормилица наша земля.
Сжалься, Спаситель, надъ темной, безумной страной:
Души смири, распаленныя долгой войной.
Русь православная гибнетъ, на радость врагамъ;
Сжалься, Господь, не карай насъ по нашимъ грѣхамъ.
Боже великій, создавшій и твердь и моря,
Къ намъ снизойди и верни намъ родного Царя!« . .
Зимняя ночь и трескучій морозъ на дворѣ;
Ели и сосны безмолвно стоятъ въ серебрѣ.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругомъ;
Боръ вѣковой позабылся таинственнымъ сномъ.
Жарко лампада горитъ предъ Иконой Святой;
Старица смотритъ — и видитъ Христа предъ собой:
Скорбныя очи съ любовью глядятъ на нее,
Словно хотятъ успокоить, утѣшить ее,
Нѣжно сказать — «не печалься, убогая дщерь,
Духомъ не падай, надѣйся, молися и вѣрь.»
Робко лампада, мерцая во мракѣ, горитъ;
Старица скорбно во мглу, въ безнадежность, глядитъ.
Смотритъ — и видитъ, молитву честную творя,
Рядомъ съ Христомъ — Самого Страстотерпца Царя.
Ликъ Его скорбенъ; печаль на державномъ Лицѣ;
Вмѣсто короны стоитъ Онъ въ терновомъ вѣнцѣ;
Капли кровавыя тихо спадаютъ съ чела;

Дума глубокая въ складкахъ бровей залегла.
Смотритъ отшельница, смотритъ, и чудится ей —
Въ Обликъ единый сливаются въ безднѣ тѣней
Образъ Господень и Образъ Страдальца-Царя. . .
Молится Ксенья, смиренною вѣрой горя:
»Боже великій, единый, безгрѣшный, святой,
Сущность видѣнья рабѣ безталанной открой;
Умъ просвѣтли, чтобъ могла я душою понять
Воли Твоей недоступную мнѣ благодать!» . . .
Зимняя ночь и трескучій морозъ на дворѣ;
Ели и сосны безмолвно стоятъ въ серебрѣ.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругомъ;
Боръ вѣковой позабылся таинственнымъ сномъ.
Жарко лампада предъ образомъ Спаса горитъ;
Старица Ксенья во мглу, въ безпредѣльность, глядитъ.
Видитъ она — лучезарный, нездѣшній чертогъ;
Въ храминѣ столъ установленъ, стоитъ поперёкъ:
Яства и чаши для званыхъ рядами стоятъ;
Вмѣстѣ съ Іисусомъ Двѣнадцать за брашной сидятъ,
И за столомъ, ближе всѣхъ одесную Его,
Видитъ она Николая, Царя своего.
Кротокъ и свѣтелъ Его торжествующій Ликъ,
Будто Онъ счастье желанное сердцемъ постигъ,
Будто открылись Его свѣтозарнымъ очамъ
Тайны, незримыя нашимъ грѣховнымъ глазамъ.
Блещетъ въ алмазахъ Его драгоцѣнный вѣнецъ;
Съ плечъ ниспадаетъ порфиры червленый багрецъ;
Свѣтелъ, какъ солнце, державный, ликующій взоръ;
Ясенъ, безбреженъ, какъ неба лазурный просторъ.
Падаютъ слезы изъ старенькихъ, слѣпенькихъ глазъ:
»Батюшка Царь, помолись Ты, кормилецъ, за насъ!«
Шепчетъ старушка, и тихо разверзлись уста;
Слышится слово, Завѣтное слово Христа:
»Дщерь, не печалься; Царя твоего возлюбя,
Первымъ поставлю Я въ Царствѣ Святыхъ у Себя!»
Зимняя ночь и трескучій морозъ на дворѣ;
Ели и сосны безмолвно стоятъ въ серебрѣ.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругомъ;
Боръ вѣковой позабылся таинственнымъ сномъ.

25-го Ноября 1922 г.
Старый Футогъ.

Примѣчаніе. Описанное мною выше видѣніе Дивѣевской старицы было мнѣ передано моимъ родственникомъ Арцебушевымъ въ г. Ельцѣ въ Декабрѣ 1917 г., куда онъ пріѣхалъ прямо изъ Сарова, гдѣ онъ служилъ 6-го Декабря молебенъ о здравіи Государя Императора и гдѣ онъ лично видѣлся и говорилъ съ старицей.

Немногимъ.

«Блаженни изгнаніи правды ради, яко
тихъ есть Царствіе небесное.»
Ев. отъ Матѳея гл. 5. ст. 10.

Блаженъ, кто въ дни борьбы мятежной,
Въ дни общей мерзости людской,
Остался съ чистой, бѣлоснѣжной,
Неопороченной душой.
Блаженъ, кто въ годы преступленій,
Храня священный идеалъ,
Отъ повседневныхъ искушеній
Умомъ и сердцемъ устоялъ.
Блаженъ, кто, вписывая повѣсть
Въ скрижали четкія вѣковъ,
Сберегъ, какъ дѣвственница, совѣсть
И вѣру дѣдовъ стариковъ.
Блаженъ, кто Родину не предалъ,
Кто на Царя не возставалъ,
Кто чашу мукъ и слезъ извѣдалъ,
Но малодушно не ропталъ.

Май 1921 г.
Новый Футогъ.

Кресты.[1])

Они горятъ! горятъ надъ куполами,
Въ шатрѣ лазоревомъ ликующихъ небесъ,
Глася торжественно побѣдными лучами
О дивной явности божественныхъ чудесъ.
Въ годины мукъ и горькихъ испытаній,
Разбитыхъ чаяній, желаній и надеждъ,
Они зажглись надъ омутомъ страданій
Для нищихъ вѣрою, безумцевъ и невѣждъ.
Они зажглись для сирыхъ и гонимыхъ,
Измученныхъ кровавою борьбой,
Для всѣхъ больныхъ, голодныхъ, нелюдимыхъ,
Раздавленныхъ злорадною судьбой.
И пусть хулятъ ихъ наглыми устами
Враги заклятые духовной красоты;
Они горятъ, горятъ надъ куполами,
Далекіе, чудесные кресты!...

1922 г.
Новый Футогъ.

---

[1]) Чудо съ обновленіемъ крестовъ на храмахъ г. Ростова.

Я твердо вѣрю.

Я твердо вѣрю — день настанетъ,
Пройдетъ пора кровавыхъ смутъ,
И передъ нами въ вѣчность канетъ
Слѣпой и дикій самосудъ.

Я твердо вѣрю — близко время,
Когда обманутый народъ
Стряхнетъ мучительное бремя
Всѣхъ преступленій и невзгодъ.

Я твердо вѣрю — Русь Святая,
Какъ фениксъ, встанетъ изъ огня,
И вновь воскреснетъ жизнь былая,
Въ лучахъ блистательнаго дня.

1922 г.
Новый Футогъ.

Колоколъ.

Колоколъ грянулъ, и мѣдные звуки,
Полные скорби, рыданій и муки,
Льются въ кровавую даль,
Въ даль, гдѣ пылаетъ отчизна святая,
Въ даль, гдѣ подъ игомъ, отъ края до края,
Стонутъ нужда и печаль.
Зычно рыдаетъ металлъ благородный,
Честь пробуждая въ стихіи народной
Пѣсней призывной своей.
Слышишь — ли, Русь, эти вѣщіе звоны,
Эти предсмертные русскіе стоны,
Вопли казнимыхъ людей?
Встань! поднимись, величаво и грозно,
Сбрось съ себя цѣпи, покуда не поздно,
Двери остроговъ открой.
И, обновленная въ мукахъ неволи,
Выйди на встрѣчу сознательной воли,
Съ чистой, воскресшей душой.

Апрѣль 1921 г.
Королевство С. Х. С.

Утро Россіи.

Довольно насмѣшекъ, довольно обидъ,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный, запятнанный стыдъ!
Пусть Божія правда опять озаритъ
Потемки земного тумана!

Крамольная сила, разсѣйся, уйди!
Смирись, окаянное племя!
Надежда проснулась въ усталой груди,
И очи мои лицезрятъ впереди
Грядущее, свѣтлое время.

Безумство уляжется, горе пройдетъ,
Разсѣются скорби и муки,
И, вновь возрожденный, счастливый народъ,
Увидѣвъ желаннаго Солнца восходъ,
Протянетъ къ Нему свои руки.

И вновь надъ Россіей заблещетъ заря,
И снова народъ богомольный,
Любовью священной къ отчизнѣ горя,
Падетъ на колѣни при въѣздѣ Царя
Подъ радостный звонъ колокольный.

Тогда, о, тогда мнѣ не жаль умереть;
Жила бы лишь правда въ народѣ;
На пѣсни мои вамъ оковъ не надѣть:
Я буду и мертвый восторженно пѣть
О Богѣ, Царѣ и свободѣ!...

г. Кисловодскъ
1918 г.

Стихотвореніе «Утро Россіи» напечатано впервые въ № 3. газеты «Царь-Колоколъ» отъ 15-го Сентября 1920 г. въ г. Севастополѣ.

Двуглавый-Орелъ.

Посвящается Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

На бой послѣдній, бой кровавый,
За честь и счастье всѣхъ племенъ,
Зоветъ бойцовъ Орелъ Двуглавый
Подъ сѣни царственныхъ знаменъ.

Туда, гдѣ годы рушатъ вѣки,
Гдѣ бродитъ смерть среди степей,
Гдѣ льются огненныя рѣки
Въ кровавомъ скрежетѣ цѣпей.

Все ближе, ближе день великій!
И, подъ немолчный звонъ Церквей,
Въ священный гимнъ сольются клики
Поднявшихъ мечъ богатырей.

Воспрянь, ликуй, душа героя!
Прошла пора скорбей и золъ.
Тебя зоветъ на праздникъ боя
Нашъ Старый, Царственный Орелъ.

Впередъ! побѣдными стопами,
Молитву жаркую творя,
Впередъ съ завѣтными словами —
«За Русь, за Вѣру, за Царя!»

Воспрянь, народная стихія,
Проснись, угасшій духъ вѣковъ,
Стряхни, свободная Россія,
Вериги каторжныхъ оковъ!

Сердца и мысли окрыляя,
Насъ поведетъ въ послѣдній бой,
Очами грозными сверкая,
Герой съ увѣнчанной главой.

И не сдержать волны народной
Ея испуганнымъ врагамъ:
Россія будетъ вновь свободной,
И міръ падетъ къ ея ногамъ.

Ужъ близокъ день, не за горами
Давно желанная пора;
И грозно грянетъ надъ войсками
Родное, русское ура!...

1922 г.
Новый Футогъ.

Стихотвореніе «Двуглавый Орелъ» послано Его Императорскому Высочеству 28-го Іюля 1922 года.

Пойдемъ за Нимъ!

Посвящается Ф. В. Винбергу.

Онъ насъ зоветъ къ воздвиженью Престола,
Какъ Мининъ звалъ великихъ предковъ встарь.
Онъ намъ гласитъ: изжила срокъ крамола,
И живъ съ Семьей Пресвѣтлый Государь.
Ко мнѣ, орлы! ко мнѣ, бойцы Царевы!
Да будетъ мнѣ ниспослано судьбой
Сорвать съ рабовъ кровавыя оковы,
Для блага родины пожертвовавъ собой.
Такъ намъ звучитъ въ изгнаньи голосъ милый,
Суля мечтамъ желанный, свѣтлый мигъ;
А въ кругъ шипятъ метущіяся силы,
Куя звено предательскихъ интригъ.
Забывъ конецъ заученной былины,
Вожди слѣпцовъ, создавъ изъ гражданъ рать,
Коварнымъ лозунгомъ «партійной дисциплины»
Нашъ честный долгъ стремятся обуздать.
Но пусть предательство готовятъ вновь Іуды,
Играя нагло чувствомъ дорогимъ;
Забудемъ ссоры, толки, пересуды,
Онъ насъ зоветъ — пойдемъ скорѣй за Нимъ.
Пойдемъ впередъ, заслышавъ голосъ Царскій:
Онъ насъ зоветъ на нивы русскихъ сѣчъ;
И — вѣримъ мы — Маститый Князь Пожарскій,
Смягчась душой, возьметъ державный мечъ.

23-го Ноября 1922 г.
Старый Футогъ.

Saint-Briac (26-го Іюля 1922 г).

«Къ рыцарямъ безъ страха и упрека!»

»Mon Dieu, mon Roi, ma dame!«
(Нашъ девизъ.)

Бьетъ нашъ послѣдній, Двѣнадцатый часъ!
Слышите голосъ, сзывающій насъ,
Голосъ забытый, но голосъ родной,
Близкій, знакомый и намъ дорогой.
Слышите вы этотъ властный призывъ
Слиться въ единый, могучій порывъ,
Въ грозную тучу крылатыхъ орловъ,
Страшныхъ для нашихъ исконныхъ враговъ.
Рыцари чести и долга, впередъ!
Гибнетъ отечество, гибнетъ народъ,
Стонетъ подъ игомъ родная земля,
Стонутъ и плачутъ лѣса и поля!
Время не терпитъ, страданье не ждетъ,
Вождь Вѣнценосный васъ громко зоветъ
Въ даль роковую, кровавую даль,
Гдѣ притаилась людская печаль...
Вздѣньте кольчуги, возьмите булатъ,
Крестъ начертайте на золотѣ латъ.
Къ битвѣ священной готовясь скорѣй,
Смѣло сѣдлайте ретивыхъ коней!
Время не терпитъ, страданье не ждетъ;
Гибнетъ отечество, гибнетъ народъ,
Гибнутъ святыни родныхъ очаговъ
Въ яростномъ станѣ кровавыхъ враговъ.
Рыцари чести и долга — впередъ!
Голосъ Державный насъ снова зоветъ
Въ грозный, великій Крестовый походъ.
Рыцари чести и долга — впередъ!

Королевство С. Х. С.
Бачка
Августъ 1922 г.

Не Вѣрь лжецамъ!

Посвящается Его Императорскому Высочеству Государю
Престолоблюстителю и Великому Князю
КИРИЛЛУ ВЛАДИМІРОВИЧУ.

Не вѣрь, Блюститель Царской Власти,
Замаскированнымъ лжецамъ,
Рабамъ слѣпой, корыстной страсти
И добросовѣстнымъ глупцамъ.
Не вѣрь предателямъ-холопамъ,
Сановнымъ слугамъ щедрой мзды;
Не покидай, предъ наглымъ скопомъ,
Свои Державныя бразды.
Не забывай, въ Своемъ смиреньи,
Судьбы Пресвѣтлаго Царя,
Когда къ Нему ползли въ смятеньи
Злодѣи, нагло говоря:
«Уйди! Ты — слабый и безвольный,
Ты — злой источникъ нашихъ бѣдъ;
Тебѣ не вѣритъ край крамольный,
Съ Тобой мечта побѣды — бредъ...
Но, если любишь Ты Россію
И не желаешь ей бѣды,
Спаси народъ и Династію,
Оставь Державныя бразды!...»
И Онъ, съ покорностью великой,
Любя Россію, какъ Отецъ,
Въ обманъ введенный наглой кликой,
Снялъ Прародительскій Вѣнецъ.
И покорясь судьбѣ суровой,
И не ропща на Свой удѣлъ,
Онъ на главу Вѣнецъ Терновый
Съ Державной кротостью надѣлъ.
А тотъ, кто, ставши на колѣни,
Его отречься умолялъ,
Въ годины бурныхъ потрясеній
Самъ на посту не устоялъ...
— — — — — — — — — — — — —
И нынѣ вновь, швыряя груды
Червонцевъ гнусныхъ впереди,
Со всѣхъ сторонъ твердятъ Іуды
Свое проклятое: «уйди!»
«Уйди, безвѣстный и безславный:
Ты, какъ и Онъ, мѣшаешь намъ.
Тебя герой замѣнитъ славный,

Угодный черни и войскамъ!...»

— — — — — — — — — — — — — —

Не вѣрь презрѣннымъ фарисеямъ!
Не вѣрь, Законный Государь,
Клятвопреступникамъ, злодѣямъ,
Лихимъ и подлымъ, какъ и встарь.
Блюди Престолъ въ величьи строгомъ
И вѣру крѣпкую прими,
Что Ты на Царство избранъ Богомъ,
А не подкупными людьми.
Будь твердъ на словѣ и на дѣлѣ
И грозной поступью иди
Впередъ, къ великой Русской цѣли,
Съ мечомъ въ рукѣ, съ крестомъ въ груди.
Твори священное призванье,
Какъ волю мудрую Творца,
И не давай на поруганье
Святыню Царскаго Вѣнца.
Не вѣря низости обмановъ,
На Русь пойдемъ мы за Царемъ.
Для насъ — довольно: Ты — Романовъ!
И за тебя мы всѣ умремъ.
Зови-жъ подъ Царственные Стяги
Своихъ сыновъ на грозный бой!
Всѣ люди долга и Присяги
Пойдутъ безстрашно за Тобой.
И упадутъ къ ногамъ Престола,
Съ приходомъ радостной поры,
Всѣ самочинцы произвола,
Всѣ самозванцы и воры.
А тѣ, кто съ гнуснымъ вѣроломствомъ
Играли бармами Царей,
Да будутъ прокляты потомствомъ
Съ толпой мятежныхъ бунтарей!...

— — — — — — — — — — — — — —

Дерзай! Свѣтла Твоя дорога!
Не бойся съ Правдой — никого!
Гряди съ надеждою на Бога
И съ вѣрой въ Промыселъ Его!

Королевство С. Х. С.
26-го Октября 1922 г.

Стихотвореніе «Не вѣрь лжецамъ» было послано Его Императорскому Высочеству передъ началомъ съѣзда въ Парижѣ бунтарскаго скопа митингующихъ эксъ-сановниковъ.

Онъ живъ!

Посвящается любящимъ, вѣрящимъ и надѣющимся.

Не вѣрьте голосу молвы разнорѣчивой,
Коварной лжи исчадья сатаны.
Онъ живъ! Онъ живъ, нашъ Царь Благочестивый,
Державный Вождь поруганной страны!
Предъ Нимъ безсильны ярость и угрозы:
Владыка смерти, жизни и судьбы
На небѣ зритъ земныя наши слезы
И слышитъ жаркія народныя мольбы.
Такъ вѣрьте-жъ всѣ въ премудрость Провидѣнья:
Господь хранитъ невидимо Его.
Оставьте мрачныя и горькія сомнѣнья:
Онъ живъ! Онъ живъ! молитесь за Него!

Новый Футогъ
1922 г.

Оглавленіе.

Типографія Р. Ольденбургъ, Мюнхенъ.

Готовятся къ печатанію слѣдующіе сборники стихотвореній того же автора:

„Пѣсни русской скорби и слезъ“

Выпускъ 2.

„Пѣсни свободы“

Сборникъ юмористическихъ стихотвореній

Выпускъ 1.

„Великая-безкровная“

Дневникъ русскаго интеллигента.

D03968906+
Duke University Libraries